

Общество
ревнителей военных
знаний.

Комитетом по образованію войскъ журналъ рекомендо-
ванъ для оф. библіотекъ.

(Циркуляръ Гл. Шт. 8 окт. 1907 г. № 310).

Англо-русское соглашение 1907 года.

Сообщение председателя средне-азиатского отдѣла Общества Востоковѣдѣнія, генеральн. штаба подполковника **А. Е. Снѣсарева**,

читанное на общемъ собраніи членовъ Общества ревнителей военныхъ званій
24 января 1908 года.

Часть первая.

1. Значеніе англо-русскаго соглашения 1907 года.

Англо-русское соглашение 18 августа 1907 г. является однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ, которые когда-либо видѣла средне-азиатская обстановка. Я не хочу этимъ сказать, что въ Средней Азіи никогда не поднимался вопросъ о какомъ-либо соглашеніи или договорѣ, что Англія и Россія, главныя соперницы на этомъ театрѣ, никогда не останавливались на мысли какъ-либо регулировать здѣсь свои отношенія. Дѣйствительно, такія соглашения бывали. Они имѣли мѣсто около рѣки Аму-Дарьи, около западнаго Памира, у самаго Гиндукуша и т. д. Но всѣ эти соглашения, эти попытки урегулировать нѣкоторыя порою чисто пограничныя недоразумѣнія не носили должнаго размаха, преслѣдовали какую-нибудь маленькую цѣль, связанную обыкновенно съ небольшимъ райономъ, и въ результатѣ имѣли, обыкновенно, характеръ частный и узкій. Бывало такъ, что въ одномъ маленькомъ углу огромнаго средне-азиатскаго театра старались устранить недоразумѣнія, а въ другомъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, въ это время уже готовилась новая невзгода, готовилось новое недоразумѣніе; подпиравшимъ средне-азиатскую стѣну въ одномъ мѣстѣ приходилось наблюдать, какъ она уже начинала разрушаться въ другомъ; переходили къ этому другому мѣсту—появлялись новыя заботы и тревоги, летѣли новыя слухи по средне-азиатскому полю.

Соглашеніе минувшаго года пытается устранить прежніе недостатки и потому, оставляя старую манеру, сразу распространяется на широкую арену, въ которую входятъ Тибетъ, Афганистанъ и Пер-

сія. Каковы бы ни были тѣ данныя, которыя положены, какъ принципъ, въ основу этого соглашения, во всякомъ случаѣ въ географическомъ смыслѣ оно захватываетъ широкую зону и пытается установить, какъ говорятъ, *modus vivendi* на обширной территоріи; это уже большой для него плюсъ. Но я хочу заранѣе оговориться, что, вполне отдавая должное этому обстоятельному замыслу, отъ души приветствуя эту попытку въ первый разъ остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ шагѣ, предупредить сплетни и интриги, я, тѣмъ не менѣе, по тѣмъ приемамъ, которые положены въ это соглашение и которые имѣли цѣлью предупредить недоразумѣнія, долженъ буду въ послѣдствіи высказать нѣсколько своихъ отчасти критикующихъ замѣчаній. Для того, чтобы задачи средне-азиатскаго соглашения были бы понятны, чтобы картина тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались, была бы выяснена хотя съ нѣкоторой отчетливостью, необходимо остановиться на тѣхъ сторонахъ средне-азиатской обстановки, которыя могутъ оказаться секретомъ для большой публики и которыя до сихъ поръ были удѣломъ только людей, обязанныхъ или по служебнымъ условіямъ или по другимъ причинамъ заниматься специально средне-азиатскимъ вопросомъ.

2. Положеніе Тибета, Авганистана и Персіи въ средне-азиатской обстановкѣ, какъ зеренъ между двумя жерновами.

Объекты соглашения — Тибетъ, Авганистанъ и Персія. Во всемъ актѣ только о нихъ и идетъ рѣчь. Что же это за страны, о которыхъ говорится здѣсь и къ которымъ пытаются установить свое отношеніе Англія и Россія? Если мы устремимъ поверхностный, общій взглядъ на огромную средне-азиатскую территорію, то намъ бросится въ глаза такого рода положеніе этихъ трехъ странъ. Онѣ огибаютъ Индію или, что одно и то же, Англію на подобіе шапки съ сѣвера, а на эти маленькія страны, въ свою очередь, давить съ еще большаго сѣвера Россія. Въ результатѣ эти небольшія три страны волей судьбы поставлены въ тиски между двумя великанами; фактъ на первый взглядъ какъ будто и незначительный, но онъ является путеводной нитью при рѣшеніи многочисленныхъ вопросовъ, которые обыкновенно связываются съ очень сложной и мудреной средне-азиатской проблемой. Сознаніе, что ихъ страны лежатъ между двумя колоссами, побуждали издавна властителей ихъ глубоко задуматься надъ той конечной судьбой, которая въ будущемъ уготована управляемымъ ими государствамъ. Отсюда, въ средне-азиатской литературѣ созданъ рядъ сравненій, съ которыми можетъ познакомиться всякій, кому попадетъ въ руки или азіатская книга, или азіатская газета. Одно изъ нихъ, напр., сравниваетъ Тибетъ, Авганистанъ и отчасти Персію съ зернами, которыя попались между двумя жерновами. Нельзя не согласиться съ мѣткостью такого сравненія. Это дѣйствительно зерна, быть можетъ, ничтожныя, еще живущія и передвигающіяся съ одного мѣста на другое, но не могущія быть увѣренными, что завтра они не будутъ измолоты въ муку сдвинувшимися, по какому то сообра-

женію, двумя тяжелыми жерновами. Я упомяну здѣсь еще о другихъ сравненіяхъ, которыя такъ любилъ прежній властитель Авганистана эмиръ Абдурахманъ, когда говорилъ о своемъ царствѣ. Онъ сравнивалъ свою страну, „Богомъ посланную“ — какъ онъ долженъ былъ прибавлять въ качествѣ магометанина, — или съ ланью, которая попалась между медвѣдемъ и волкомъ, или съ бѣлымъ лебедемъ, который плаваетъ на озерѣ; по одну сторону такого озера находится шакалъ, по другую еще подобное ему животное, и положеніе лебедя оказывается самое тягостное: если онъ подплываетъ къ одному берегу—его похититъ гіена; если же онъ приблизится къ другому—то его съѣстъ волкъ и т. д.

Подобное положеніе между двумя колоссами уже достаточно объясняетъ многое, о чемъ я доложу впослѣдствіи. Сейчасъ же остановлюсь нѣсколько подробнѣе на политическомъ положеніи тѣхъ государственныхъ организмовъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, дабы суть англо-русскаго соглашенія была болѣе ясна.

3. Политическое положеніе Тибета.

Тибетъ облегаетъ Индію съ сѣвера на подобіе крыши. Страна эта маленькая, бѣдная. Населеніе ея нѣкоторые географы исчисляють въ $1\frac{1}{2}$ милліона; нѣкоторымъ желательно увеличить эту цифру до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ. Интересно было бы спросить этихъ изслѣдователей, откуда они взяли ту или другую цифру, кто сосчиталъ этихъ бѣдныхъ людей, которые, Богъ знаетъ, гдѣ живутъ и которые сами не умѣютъ сосчитать не только себя, но и свои стада, ютящихся около своихъ хозяевъ? Во всякомъ случаѣ, страна эта не большая. Чѣмъ живетъ ея населеніе? Оно живетъ, главнымъ образомъ, скотоводствомъ; въ тѣхъ же долинахъ, которыя лежатъ ниже чѣмъ на 10.000 футовъ, наблюдаются зачатки земледѣлія и здѣсь населеніе обрабатываетъ землю. Кромѣ того, подспорьемъ для населенія являются нѣкоторыя ремесла — приготовленіе суконъ для домашняго обихода, охота, добываніе руды. Вотъ тотъ хозяйственный обиходъ, которымъ существуютъ тибетцы.

Если я перейду теперь къ политической оцѣнкѣ страны, то тутъ мнѣ придется коснуться тѣхъ заимствованныхъ изъ Европы опредѣленій, которыя не всегда удачно восполняли недочеты мѣстнаго языка. Какъ управляется эта страна? Обыкновенно въ энциклопедическихъ словаряхъ и статьяхъ о Тибетѣ говорится, что Тибетъ есть государство, находящееся отъ Китая въ вассальной зависимости, что богдыханъ-верховный глава Тибета, верховный во всѣхъ отношеніяхъ и даже въ духовномъ; что этотъ глава посылаетъ резидента, который вершитъ всѣми дѣлами Тибета. На самомъ дѣлѣ, если мы отойдемъ отъ этой теоретической формулы къ практической, то картина обрисуетъ намъ въ такомъ видѣ. Тибетъ управляется монахами или тою, почти третьею частью, населенія, которая взяла на себя обѣтъ безбрачія, постоянной молитвы и постоянныхъ подвиговъ въ духовныхъ дѣлахъ; такова, по крайней мѣрѣ, книжная сторона ихъ жизни.

Во главѣ этого монашества стоятъ нѣсколько высшихъ духовныхъ лицъ; изъ нихъ наибольшую силу имѣетъ, такъ называемый, Далай-Лама. Рядомъ съ нимъ имѣется еще глава, почти такого же достоинства, а остальные лица болѣе или менѣе незамѣтны. Духовенство разбивается на рядъ орденовъ, между собой почти независимыхъ, которые имѣютъ своеобразные уставы. Каждая изъ этихъ монастырскихъ группъ управляетъ какой нибудь областью.

Нѣкоторые изслѣдователи называютъ форму правленія Тибета политической анархией. Съ этимъ, конечно, трудно согласиться: результаты анархій были бы на лицо, а такихъ въ многостолѣтней исторіи Тибета никто не видѣлъ, да едва ли когда и увидитъ. Во всякомъ случаѣ, тотъ резидентъ, который, якобы, является представителемъ богдыхана, есть просто на просто чиновникъ, который на извѣстный періодъ времени прибываетъ въ Лхассу, откуда вѣдаетъ рѣшительно всѣмъ, чѣмъ можетъ вѣдать: дѣлами и серьезнаго характера, и второстепеннаго. Къ нему идутъ и жены за разводомъ; къ нему идутъ и монахи, провинившіеся противъ статута; онъ же вѣдаетъ и судебными дѣлами разнаго порядка, разбирается въ государственныхъ дѣлахъ и т. д. Но едва ли правильно предполагать, что такого рода управление есть управление по существу. Страна живетъ по своимъ старымъ традиціямъ, управляется людьми, которымъ всѣ вѣрятъ и къ которымъ издавна привыкли, а къ резиденту относятся какъ къ чужаку пришлому, и къ нему добровольно прибѣгаютъ лишь тѣ люди, которые не вполне удовлетворены мѣстными инстанціями или мѣстными судами.

Мирная жизнь Тибета, вѣроятно, долго бы протекала въ обычной для него безмятежности, если бы въ началѣ XVIII столѣтія на аренѣ Индіи не появилась Англія. Во всю половину XVIII и первую половину XIX столѣтія эта новая гостья имѣла слишкомъ много заботъ, чтобы обратиться въ сторону той страны, о которой я имѣлъ честь только что доложить. Но вотъ дѣла Индіи были окончены, все, что имѣло цѣнность, было прибрано къ рукамъ и Англія подошла, наконецъ, къ подножію Гималаевъ. Оттуда впервые, поднявъ взоръ вверхъ, она увидала, что подъ далекими небесами живетъ маленькая страна, на которую она не успѣла еще наложить свою жадную руку. На первый разъ это даже смутило ее. Одинъ вице-король, изъ очень нетерпѣливыхъ, снарядилъ тотчасъ же экспедицію, но эта экспедиція на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско. Оказалось, что тибетцы уже успѣли, при всей простотѣ нравовъ и ограниченности своего политическаго кругозора, подмѣтить, что къ нимъ подошелъ врагъ, съ которымъ они должны серьезно считаться. Что предстояло дѣлать бѣдной и безсильной странѣ? Оружія нѣтъ, войска нѣтъ, силъ нѣтъ, денегъ также нѣтъ. Оставалось прибѣгнуть къ одному изъ способовъ, къ которому прибѣгаютъ слабые народы. Этотъ способъ — пассивное сопротивление. И тогда-то на зарѣ XIX столѣтія окончательно былъ выработанъ тотъ приемъ, который можно назвать принципомъ недопущенія ни одного европейца на территорію Тибета. Много объ этомъ принципѣ говорилось, много даже написано негодующихъ статей въ англійской литературѣ; но если вдуматься и всмотрѣться въ вещи по человѣчески, то нужно согласиться, что

для Тибета такой прием являлся единственным исходом, чтобы замкнуться в своей жизни и сохранить хоть на один-другой десяток лет самостоятельное существование, которое дорого для всякого государства. Когда на практике такой прием не удавался, главами Тибета создавались новые приемы. Они сводились к тому, чтобы, прикрываясь суверенитетом Китая, прикрываясь необходимостью получить от него полномочия, растягивать до бесконечности всякие переговоры, которые поднимались между Англией и Тибетом. Обыкновенно делалось так: со стороны вице-короля следовали какие-либо требования; тибетская власть говорила, что это требование для них слишком высоко, что решить такие большие государственные дела она сама не может и надо навести справки об этом в Пекин. До Пекина далеко; пока туда кто-то ходил, пока оттуда кто-то возвращался, кто-то заболел в дороге, на кого-то напали разбойники, в результате одного вице-короля сменил другой, более мягкий и опасность несколько отдалась... Таким путем не один раз удавалось уклониться от тех цепких приемов, которые уже начинали проявлять Альбион по отношению к Тибету.

Но всему есть конец, настал он и для Тибета. В конце концов, под разными предлогами,—а эти предлоги, заметим между прочим, придумать не трудно для того государства, у которого имеются *вообще* интересы,—«швырнули в миссионерку картошкой на базар», вот и предлог для чего хотите, говорить по этому поводу один остроумный наблюдатель) создавалась более настойчивая и более притязательная политика со стороны Англии. На сцену появились даже мнимые угрозы со стороны России, какая-то ее политическая козни. Вся длинная паутина интриг завершилась известной экспедицией Юнгтесбенда в 1904 году, в тот удобный момент, когда мы были отвлечены на Дальнем Востоке.

Я не буду распространяться об этой экспедиции. В ней нет ничего привлекательного. Разстрѣлы безоружных и глубоко мирных по природе людей с расстояния немногих сотен шагов—картина не настолько утешительная, чтобы ею тревожить ваши нервы и обращать на нее ваше внимание. Во всяком случае, в конце концов Англия зацепилась за Тибет в такой мере, в какой это было ей необходимо. Главенство было будто бы оставлено при Китае. Были намечены рынки, в которых английские купцы могли торговать, и они подобраны были очень искусно. Англия достигла всего, что ей было нужно; она вступила твердой ногой на территорию Тибета.

Таким образом, незадолго перед тем, как было заключено соглашение прошлого года, к Тибету со стороны Англии создавалось такое отношение, что она по существу являлась распорядителем, по крайней мере, экономическим в его судьбах, а Китай оставался только номинальным главой Тибета. Этот момент я прошу запомнить, чтобы приурочить его к дальнейшим статьям соглашения, о которых я буду говорить потом.

4. Политическое положеніе Авганистана.

Что изъ себя представляетъ Авганистанъ? Авганистанъ—горная страна, съ населеніемъ, по нѣкоторымъ разсчетамъ въ 5, по другимъ въ 6 милліоновъ душъ, разнороднаго состава, но съ болѣе компактной массой въ лицѣ авганскаго племени, наиболѣе воинственной и правящей частью населенія; авганцевъ насчитываютъ 2—3 милліона. Издавна Авганистанъ управлялся отдѣльными ханами, во главѣ которыхъ время отъ времени становился какой-либо честолюбецъ, который и удерживалъ верховную власть въ своемъ потомствѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Онъ считался *первымъ между равными*.

Можетъ быть судьба Авганистана сложилась бы такъ, какъ ей и надлежало сложиться по нормальнымъ законамъ природы, если бы на лицо не оказалось одного обстоятельства, которое предупредило строго и деспотично всю его послѣдующую политическую судьбу. Авганистанъ, какъ это ясно видно на картѣ¹⁾, заключаетъ въ себѣ кратчайшіе пути, пролегающіе между Россіей и Индіей, или, говоря точнѣе, чрезъ Авганистанъ пролегаютъ два операционныхъ направленія на Индію со стороны Россіи, наиболѣе удобныя и исторически извѣстныя. Этотъ фактъ, съ точки зрѣнія военныхъ—колоссальный, предопредѣлилъ дальнѣйшую судьбу Авганистана и привелъ его къ тому положенію, въ которомъ онъ теперь находится. Англія уже съ первыхъ шаговъ, какъ только она появилась въ Средней Азій, стала беспокоиться объ Авганистанѣ. Еще ничего не было слышно о приближеніи Россіи, еще она была далеко у Уральскаго хребта, когда въ политической литературѣ Англіи уже стали мелькать статьи, касавшіяся тогда никому неизвѣстной страны. Но съ начала XIX столѣтія, когда былъ опубликованъ Наполеономъ извѣстный планъ движенія на Индію, второй изъ его крупныхъ плановъ, который предполагалъ наступленіе отъ береговъ Каспійскаго моря чрезъ восточную Персію на Авганистанъ, значеніе послѣдняго, какъ территоріи, замыкающей пути, грозные для судьбы Индіи, стало для англичанъ совершенно ясно. Съ тѣхъ поръ, двѣ державы—Россія, можетъ быть, путемъ безсознательнаго влеченія, Англія по системѣ—стараятся перехватить эту территорію въ свою пользу на случай того соперничества, о которомъ въ Европѣ чаще говорится, какъ о легендѣ, но о которомъ говорить въ Средней Азій совершенно убѣжденно.

Со стороны Англіи въ данномъ случаѣ обнаружилось систематическое желаніе всѣми мѣрами, какими только она располагала, взять Авганистанъ въ свои руки. Сначала послѣдовала рядъ политическихъ посольствъ. Такъ какъ они не приводили къ цѣли, то „были созданы“, — я говорю умышленно „были созданы“, —

¹⁾ См. карту, приложенную въ 3-й книжкѣ журнала за 1907 годъ къ статьѣ А. Андюскаго: «Военно-географическое изслѣдованіе Авганистана, какъ района наступ. операций русской арміи».

двѣ войны: одна въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, которую называютъ *первой* авганской или англо-авганской войной, и другая — въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, которую называютъ *второй* англо-авганской войной. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ мотивахъ, которые были приведены въ оправданіе этихъ войнъ, ибо имъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого оправданія. И та, и другая войны завершились для англійскаго оружія позорно. Общая цѣль со стороны Англіи достигалась на половину, но несомнѣнно, что съ каждой изъ этихъ войнъ Англія подавалась хотя на шагъ впередъ въ смыслѣ дальнѣйшаго овладѣнія, по крайней мѣрѣ, политическаго, Авганистаномъ. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда усилий, послѣ ряда жертвъ людьми и деньгами, послѣ примѣненія всевозможнѣйшихъ пріемовъ, Авганистанъ очутился въ достаточной власти Англіи, а отъ Россіи онъ былъ окончательно отрѣзанъ, онъ былъ отдѣленъ отъ насъ китайской стѣной въ полномъ смыслѣ этого слова.

Для того, чтобы охарактеризовать, насколько Авганистанъ оказался отрѣзаннымъ отъ Россіи, я приведу нѣсколько скромныхъ примѣровъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій въ бытность мою начальникомъ Памирскаго отряда въ 1902—1903 году. Примѣры эти будутъ маленькіе, но они, по моему мнѣнію, характеризуютъ большую и очень эффектную картину достигнутыхъ Англіей результатовъ. На востокѣ Авганистана, по границѣ его съ нашимъ Памиромъ протекаетъ рѣка Пянджъ. Эта рѣка является верхней третью Аму-Дарьи, которая въ предѣлахъ памирскихъ высотъ имѣетъ горный характеръ. Пянджъ значитъ Пятірѣчье, въ переводѣ съ персидскаго или точнѣе горно-персидскаго языка.

Эта рѣка, если вы прослѣдите за прошлымъ прилегающихъ къ ней странъ, никогда не служила для нихъ границей, да и не могла быть ею. Почти всегда рѣчку можно перейти въ бродъ и только въ пору весенняго разлива она начинаетъ бурлить, и тогда прекращается черезъ нее переѣздъ. Если мы вспомнимъ XIII столѣтіе, когда по этимъ мѣстамъ проходилъ Марко Поло, то увидимъ, что народы тогда обитали и по ту и по другую сторону этой рѣки, составляя на нѣкоторой части ея теченія одно государство, а не два. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на сцену не появились Англія и Россія. И вотъ, въ 1873 г., по предложенію Англіи, эта небольшая рѣченка была объявлена границей.

Съ одной стѣроны залегли авганскія или, по существу, англійскія владѣнія, а съ другой бухарскія или, по существу, русскія владѣнія. Поскольку эта преграда была крѣпка, можно судить по такимъ примѣрамъ. Часто случалось, что какой-нибудь таджикъ, какъ называются мѣстные горцы, по топографическимъ условіямъ имѣлъ свою избушку, скажемъ, на лѣвой сторонѣ Пянджа, а на правой сторонѣ рѣки у него былъ небольшой кусочекъ принадлежащей ему земли. Такихъ случаевъ всегда было много и они никого не стѣсняли, пока не появились на сцену двѣ европейскія страны и не сказали, что правая сторона рѣки доступна только для русскихъ подданныхъ или лицъ, которые находятся подъ русскимъ вліяніемъ, а лѣвая — авганскимъ подданнымъ или лицамъ, находящимся подъ

влияніемъ Англии, и что переходить эту рѣчку нельзя ни въ коемъ случаѣ. И вотъ, человѣку, являющемуся собственникомъ земли, которой владѣли его предки, быть можетъ, много столѣтій, приходится прибѣгать для воздѣлыванія своей крошечной нивы къ такому способу: ночью, вбродъ или вплавь, онъ пускается черезъ рѣчку, вспахиваетъ свой клочекъ земли и къ разсвѣту, какъ воръ, возвращается назадъ. Онъ ждетъ поры, когда созрѣетъ нива, тогда опять укрдкой онъ переплываетъ рѣчку, если случится большая вода, или же переходитъ ее вбродъ: жнетъ хлѣбъ и опять таки, какъ воръ, возвращается къ себѣ на другую сторону.

Видите, что создала политика, главнымъ образомъ, англійская, и какъ она была безжалостна въ отношеніи этихъ маленькихъ народовъ.

Были случаи еще болѣе жестокіе: разъ, въ качествѣ начальника Памирскаго отряда, я получилъ извѣстіе, что бадахшанецъ, т. е. житель по ту сторону рѣки, обвиняется начальникомъ Файзабада, главнымъ города Бадахшана, въ томъ, что онъ начальнику отряда, т. е. мнѣ, доноситъ какія то секретныя свѣдѣнія. Этого человѣка я никогда и въ глаза не видалъ и никакихъ секретныхъ свѣдѣній отъ него не получалъ. Я пишу биргиту (начальнику Файзабада) письмо, въ которомъ высказываю самое рѣшительное завѣреніе, что приведеннаго случая измѣны никогда не было, что на человѣка взводятъ напраслину... моя просьба не возымѣла никакого дѣйствія. Оттого ли, что не повѣрили мнѣ или у несчастнаго были вліятельные недоброжелатели, сказать не могу, но только черезъ нѣсколько дней до меня дошелъ слухъ, что мнимаго лазутчика распяли на площади Файзабада. Будь иныя отношенія, я могъ бы спасти его, но въ данномъ случаѣ я былъ безсильнъ: небольшая рѣчка надежно уединяла меня отъ кровавой сцены. Какъ потомъ выяснилось, одинъ изъ жителей нашего берега поссорился съ бадахшанцемъ на какой то любовной почвѣ, донесъ на него, представилъ жесвицѣтелей и въ результатъ разыгралась та ужасная казнь, о которой я потомъ получилъ извѣстіе.

Я не буду продолжать приводить примѣры. Достаточно этихъ небольшихъ для того, чтобы доказать, насколько Авганистанъ, до самыхъ мелочей, былъ уединенъ отъ Россіи. Цѣль Англии въ этомъ отношеніи была блистательно выполнена.

Такимъ образомъ положеніе Авганистана, незадолго передъ тѣмъ, какъ состоялось англо-русское соглашеніе, было слѣдующее: эта страна номинально или официально была самостоятельной; она управлялась Эмиромъ на правахъ независимаго владѣтеля, но по существу находилась въ полной власти Англии, и притомъ въ столь полной степени, что въ послѣдніе годы изъ прежняго буфера Англія стала подготавливать въ лицѣ Авганистана уже передовой театръ на случай столкновенія съ Россіей въ Средней Азіи. Что касается Россіи, то она, придвинувъ свою границу къ Авганистану на 20—30 лѣтъ раньше Англии, первая начавъ сношенія съ нимъ въ концѣ 20-хъ годовъ и притомъ очень успѣшно, имѣя съ Авганистаномъ границу болѣе чѣмъ въ 2000 верстъ, должна была смотрѣть на эту страну, какъ на совершенно запретную для себя, съ которой она не имѣла права входить даже въ какое-либо частное сношеніе.

5. Политическое положеніе Персіи.

Перейду теперь къ Персіи. Персія была яблокомъ раздора въ Средней Азии въ ту пору, когда походы на Индію проектировались отъ береговъ Каспійскаго моря. Это, такъ называемые, *европейскіе* походы, потому что азіатскіе походы выполнялись по совершенно иному плану. Такъ какъ колонны, по высадкѣ въ Астрабадѣ, направлялись черезъ сѣверо-восточный уголъ Персіи, то этимъ самымъ издавна намѣчалось и ея стратегическое значеніе. Подобное обстоятельство побудило англичанъ въ первые годы XVIII столѣтія обратить тревожное вниманіе на Персію и въ первую четверть вѣка здѣсь велась упорная борьба со стороны Англіи за то, чтобы получить тамъ преимущества. Но, когда въ 60-хъ годахъ, въ боевой періодъ завоеванія Туркестана, мы стали надвигаться на Среднюю Азію съ сѣвера, то Англія увидѣла, что „угроза“ переходитъ уже къ путямъ болѣе короткимъ и болѣе для нея опаснымъ. Поэтому Персія, въ смыслѣ ея военного и стратегическаго значенія, стала много терять въ ея глазахъ. Въ концѣ концовъ Британія рѣшила почти совсѣмъ оставить безъ вниманія военное значеніе Персіи, и все соперничество съ Россіей перенести въ ней на чисто экономическую почву.

Въ послѣднія 3—4 десятилѣтія борьба въ Персіи велась исключительно изъ за экономическаго преобладанія. Нѣкоторые изслѣдователи Персіи, большіе патріоты Англіи, въ родѣ, напр., Роулинсона, благодаря тому, что они были люди гражданскіе, въ свое время не поняли этого перелома военной мысли Англіи и въ сочиненіяхъ упорно задавали одинъ и тотъ же вопросъ: какъ можно бросать Персію, ту самую Персію, въ которой, по ихъ мнѣнію, начинался успѣхъ Англіи? Они писали цѣлые трактаты по этому поводу, но ихъ вопли были тщетны: Англія знала, что она дѣлала, и ея новое отношеніе къ Персіи было глубоко правильнымъ. Рѣшивъ, что въ Персіи для нея остался только экономическій интересъ, она на военную сторону дѣла почти совсѣмъ перестала обращать вниманіе. Въ результатѣ, ея соперничество утратило прежній широкій и нервный импульсъ и во многихъ сторонахъ борьбы съ Россіей она въ Персіи стала намъ дѣйствительно уступать.

Англо-русское соглашеніе прошлаго года застаётъ Россію и Англію въ той стадіи соревнованія въ Персіи, когда экономическая борьба намѣчалась такой картиной: вся сѣверная Персія была по существу во власти или въ экономической зависимости отъ Россіи, точно также имѣла наша родина здѣсь и политическое преобладаніе. За Англіей оставался югъ. По соображеніямъ, о которыхъ я скажу послѣ, Англія ¹⁾, повидимому, рѣшилась въ вопросѣ о Персіи провести опредѣленные линіи, которыя закрѣпили бы площади эконо-

¹⁾ Полковникъ Лейбъ хочетъ инициативу въ этомъ приписать намъ, но на такихъ жидкихъ основаніяхъ, которыя не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. См. Asiatic Quarterly Review, January, 1908, p. 15.

мического и политического завоевания России и Англии, соответственно. По англо-русскому соглашению, Россия съ Англией и провели такія линии, которыя даютъ отнынѣ возможность, какъ той, такъ и другой странѣ замыкаться своими экономическими работами въ опредѣленную зону. Это было, повидимому, главной цѣлью персидской части договорнаго соглашения, которую преслѣдовала Британія.

6. Англія и Россія въ Средней Азіи.

Вотъ въ краткихъ чертахъ политическое, а отчасти и экономическое положеніе Тибета, Авганистана и Персіи незадолго передъ заключеніемъ англо-русскаго соглашенія. Но изъ этого краткаго очерка общая идея, которая красной нитью проходитъ во всемъ этомъ соглашеніи, все таки, по моему мнѣнію, остается невыясненной.

Для того, чтобы установить опредѣленную отправную точку, нужно вспомнить, что Англія съ первыхъ шаговъ нашихъ въ Средней Азіи опасается Россіи, какъ претендента на ея драгоценную колонію — Индію. Было бы слишкомъ долгимъ разсказомъ, если бы я сталъ въ доказательство этой мысли приводить выдержки изъ книгъ и ссылаться на какіе-либо авторитеты. Да едва ли въ этомъ есть и надобность, такъ какъ сказанная идея настолько общеизвѣстна, что она изъ круга специалистовъ давно уже перешла въ большую публику. Является вопросъ, правильны ли опасенія Англіи и дѣйствительно ли грозить ей Россія?

По этому случаю мнѣ хочется сейчасъ сослаться на недавно появившуюся въ печати книгу генераль-лейтенанта Терентьева, на его трехтомный трудъ, въ которомъ содержится описаніе завоевательныхъ наступленій Россіи въ Средней Азіи. Въ Англіи издавна, какую бы политическую брошюру или книгу вы ни открыли, вы могли непременно натолкнуться на мысль, что Россія только и думаетъ, что объ Индіи, что всѣ движенія русскихъ къ Мерву, Бухарѣ, по направленію къ Хивѣ или Коканду являются случаями лишь временнаго отступленія въ сторону, а въ основѣ всѣхъ этихъ движеній продолжаетъ оставаться главная мысль — постепенно, но неуклонно подвигаться къ драгоценной британской колоніи и захватить ее, столкнувъ англичанъ въ море. Это англичане твердятъ на каждомъ шагѣ. Откройте теперь книгу генераль-лейтенанта Терентьева. По моему мнѣнію, это лучший образчикъ, чтобы пошатнуть или совершенно разбить всякія подобныя утвержденія англичанъ. Эта книга, если хотите, по обилію громоздкаго матеріала, по торопливости въ нѣкоторыхъ частяхъ обработки, является въ извѣстной степени сырымъ матеріаломъ, но она драгоценна по непосредственному воспроизведенію впечатлѣній автора, по его искренности и правдивости; по крайней мѣрѣ, я невольно получить такое впечатлѣніе при чтеніи книги. Не всѣ ея части разработаны съ полными деталями или равномерно, но во многихъ частяхъ авторъ говорилъ, какъ очевидецъ дѣла, которому приходилось нѣрѣдко выполнять очень серьезныя порученія; стоя недалеко отъ двигателей эпохи, авторъ могъ обнимать обстановку въ

очень широкомъ масштабѣ. Теперь проштудируйте труды ген. Терентьева и задайте себѣ такой вопросъ: дѣйствительно ли русскіе имѣли въ виду Индію, когда на средне-азиатскихъ поляхъ выполняли подвиги, о которыхъ извѣстно всему міру? Дѣйствительно ли въ головахъ руководителей движенія стояла въ качествѣ конечной цѣли — богатая Индія, которая можетъ кого то обогатить, которая для кого то слишкомъ заманчива и т. д.? Это вы едва ли найдете хотя бы на одной страницѣ. Преслѣдовалась масса цѣлей; это были цѣли стратегическія и политическія, но онѣ не были цѣлями такого далекаго характера, какой приписываютъ имъ англичане. Задавались почти всегда лишь цѣлями близкими, въ частныхъ случаяхъ даже противорѣчащими той идеѣ, которую стараются приписать намъ англичане. Если вы остановитесь на лицахъ, которыя являлись исполнителями разныхъ средне-азиатскихъ предначертаній, и постараетесь выяснить себѣ ихъ политическое credo въ соотвѣтствующій моментъ, то вы увидите, что, можетъ быть, только одинъ изъ этихъ дѣятелей, а именно первый генераль-губернаторъ или, какъ его называютъ, да и всегда будутъ называть — „устроитель Туркестанскаго края“ — генераль-лейтенантъ Кауфманъ не забывалъ, дѣйствительно, про Индію. Его политическій размахъ, его понимание средне-азиатскихъ задачъ шли много впередъ взглядовъ его современниковъ, обхватывали обстановку широко. Но надо искренно признать, что Кауфманъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который смотрѣлъ настолько далеко впередъ, что за нимъ не могли поспѣть не только въ Туркестанѣ, но даже здѣсь въ Петербургѣ. Когда вы прочитаете его полеміку съ представителями министерства иностранныхъ дѣлъ, то вы увидите, что министерство иностранныхъ дѣлъ того времени на средне-азиатскую проблему смотрѣло не такъ ясно и не такъ дальновидно, какъ смотрѣлъ этотъ выдающійся человѣкъ своего времени. Онъ былъ не понять. Незадолго до своей смерти устроитель края былъ обиженъ, — нѣтъ, это было бы неправильное выраженіе, — онъ былъ разочарованъ. Онъ видѣлъ, что его замыслы отчасти непоняты, отчасти своимъ исполненіемъ будутъ отложены на ту далекую эпоху, которую онъ не могъ даже и предвидѣть.

Вотъ вамъ выводы изъ книги искренней, правдивой, которая излагаетъ вещи языкомъ простымъ и безхитростнымъ. Можно было бы привести другія данныя, но это отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону. Во всякомъ случаѣ, результаты наступательнаго движенія Россіи, если вы за ними прослѣдите въ разные періоды, должны обязательно привести васъ къ заключенію, что умысла, столь далекаго и столь для Англіи опаснаго, никогда, ни въ одну эпоху этого наступательнаго движенія, не имѣлось въ виду. Я въ краткихъ словахъ, не отвлекая особенно въ сторону моихъ слушателей, вспомню схему нашего наступательнаго движенія.

Въ срединѣ XVIII столѣтія мы стояли у Урала, а къ востоку отъ него лежала степь, на которой кочевали орды киргизовъ. Въ то время они были еще полуязычниками; нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли приобрести самостоятельность и начали усваивать магометанство. Киргизы были простые и добродушные кочевники, но имѣли неудобныя для насъ замашки: они не хотѣли признавать покая и государственнаго распорядка сосѣдей, которые обитали рядомъ съ ними. Они произво-

дили грабежи, сжигали наши деревни, увозили людей въ плѣнъ, угоняли скоть и т. д. Рано или поздно мы должны были, поскольку намъ быть дорогъ покой нашей страны и крѣпость нашихъ государственныхъ началъ, положить конецъ этимъ безчинствамъ. Сначала мы пробовали жить съ киргизами на мирныхъ началахъ, но это не помогло. Они не успокоились, потому что наши мирныя заявленія они считали проявленіемъ трусости. Тогда намъ по-неволѣ пришлось перейти къ пассивной оборонѣ.

Мы начали строить форты, укрѣпляли приграничныя станицы, держали кордонами небольшіе отряды, а политику вели такую: мы оставляли киргизовъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока они не позволяли себѣ какого-нибудь злоупотребленія; разъ-же они позволяли себѣ что-либо, мы предпринимали карательныя экспедиціи, догоняли орду, отнимали свое, прихватывали, быть можетъ, чужое и возвращались назадъ. Это обыкновенно производило нѣкоторое впечатлѣніе, но опять таки не столь долгое, на какое мы рассчитывали. Въ концѣ концовъ, видя, что мы ничего не можемъ подѣлать, держась определенной границы, мы постепенно, вначалѣ, можетъ быть, не желая подвигаться въ степь, стали идти впередъ „перекатами“, какъ любили тогда выражаться, т. е. выносили рядъ линій впередъ, и притомъ по двумъ направленіямъ. Одно направленіе шло на юго-востокъ къ берегу Аральскаго моря и называлось *оренбургскимъ направленіемъ*, а другое шло вверхъ по Иртышу и называлось *сибирскимъ*. Вся наша политика по отношенію къ киргизамъ являлась вынужденной, по-неволѣ, можетъ быть, осторожной и полной тактичности; инымъ путемъ мы не рассчитывали получить какіе-нибудь прочные результаты.

А въ результатѣ, для насъ почти незамѣтно, мы къ серединѣ XIX столѣтія на оренбургскомъ направленіи докатились до устья Сыръ-Дарьи, у восточнаго берега Аральскаго моря, а на сибирскомъ успѣли покинуть Иртышъ и дошли до нынѣшняго Вѣрнаго. Между этими крайними пунктами оставалось пространство въ 900 в. Мы думали, что разъ мы зашли такъ далеко, жители поймутъ нашу силу и ту опасность, которая грозитъ имъ, и что они удержатъ себя отъ выходовъ по отношенію къ русскимъ постами и нашимъ поселенцамъ. Но наши надежды и тутъ не оправдались. Въ то пространство въ 900 в., которое оставалось свободнымъ, время отъ времени стали совершать набѣги орды кокандцевъ или бухарцевъ и производили безчинства, которыя раньше продѣлывали киргизы. И вотъ, въ началѣ 60-хъ годовъ мы окончательно убѣдились, что мы ничего не можемъ подѣлать съ нашей пассивной политикой. Рѣшено было энергично двинуться въ глубь средне-азиатскихъ странъ и съ этой цѣлью приняты были одновременно два движенія. Начался боевой періодъ нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, который въ результатѣ вылился въ такой колоссальный успѣхъ, что въ какое-либо десятилѣтіе мы завоевали всю нашу Среднюю Азію, весь, такъ называемый, русскій Туркестанъ.

Но увы, мы и на этомъ не могли остановиться, но не по соображенію, конечно, что намъ нужна была Индія. Въ результатѣ приведенныхъ успѣховъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, горсть русскихъ людей оказалась оторванной отъ своей родины на нѣсколько

сотъ верстъ, приче́мъ ее отдѣляли пески, пустыни, дурныя дороги. Эта горсть русскихъ людей очутилась въ полномъ одиночествѣ среди совершенно чуждыхъ имъ народовъ. Если бы случилось несчастье, помощи было искать не откуда или ее можно было бы подать только изда́лека. Условія политическія и стратегическія были для этихъ людей невыносимы. Создавалась необходимость искать болѣе удобныхъ и сокращенныхъ путей, которые связывали бы этихъ людей съ центральной Россіей болѣе надежнымъ образомъ. Эти пути проходили отъ Каспійскаго моря вдоль сѣверной подошвы Туркмено-Хорасанскихъ (Капетдага) горъ и выводили къ среднему теченію Аму-Дарьи. Отсюда назрѣла необходимость завоевать нынѣшнюю Закаспійскую область или Туркменію, какъ называли ее раньше. Такое завоеваніе было подсказано необходимостью, иначе нужно было бы или строить желѣзныя дороги, что было тогда дѣломъ слишкомъ дорогимъ и рискованнымъ, или отходить назадъ, но это повлекло бы за собой въ Азію такую потерю престижа, которую затѣмъ ничѣмъ нельзя уже поправить. Такимъ образомъ, логикой политическихъ и стратегическихъ вещей была подсказана экспедиція въ Закаспійскую область, которая закончилась въ 80-хъ годахъ покореніемъ этой области. Наконецъ, въ 90-хъ годахъ совершился актъ, по своему политическому смыслу уже не такого серьезнаго размѣра, а именно: соглашеніе въ вопросѣ о Памирѣ.

Вотъ картина того, что сдѣлано въ Средней Азіи. Есть-ли въ любомъ фазисѣ этихъ завоеваній какой-либо вопросъ объ Индіи? Рѣшительно нѣтъ. О ней никто не думалъ; ее никто не зналъ; о ней не время было беспокоиться, такъ какъ слишкомъ много было своихъ хлопотъ. А отсюда слѣдуетъ, что, если не быть слишкомъ пристрастнымъ и опасливымъ, какими оказываются политическіе дѣятели изъ англичанъ, то нужно признать, что въ завоеваніи нами Средней Азіи было достаточно своего политическаго смысла, чтобы навязывать еще какой то иной.

Но, съ другой стороны, не нужно быть и особенно придирчивымъ къ Англіи. Если хотите, у нея былъ нѣкоторый смыслъ тревожиться. Я не буду уже говорить о томъ значеніи, которое имѣетъ Индія для британскихъ колоній. Вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ британскій политическій каламбуръ: одинъ англичанинъ спрашиваетъ другого: „чтобы ты предпочелъ, чтобы у насъ взяли,—Шекспира или Индію?“; другой отвѣчаетъ: „Индію“. Едва ли можно вѣрить искренности отвѣта, но во всякомъ случаѣ приведенное сопоставленіе такой духовной величины, какъ Шекспиръ, съ такой экономической величиной, какъ Индія, очень характерно. Керзонъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей, что, если когда-либо совершится угроза по отношенію къ Индіи, то онъ глубоко вѣритъ, что англійская семья пошлетъ своего единственнаго сына на защиту этого драгоценнѣйшаго достоянія Англіи; и мнѣ думается, что она дѣйствительно пошлетъ своего единственнаго сына. Если вы вдумаетесь, съ какимъ упорствомъ англійская семья до сихъ поръ не хочетъ посылать под знамена не только единственнаго сына, но даже пятаго или десятаго, то вы поймете, что Керзонъ не могъ, какъ англичанинъ, выразить свою мысль болѣе сильнымъ и убѣдительнымъ образомъ.

Какія же были данныя для Англіи беспокоиться? А вотъ какія.

Въ детали нашихъ средне-азиатскихъ поступательныхъ операций она проникнуть не всегда могла. Она не могла разобраться, почему мы въ одномъ случаѣ подвинулись къ востоку, а въ другомъ—къ западу, отступили къ сѣверу или югу, но, смотря съ юга, изъ Индіи, она видѣла, что въ результатѣ всѣхъ этихъ шатаній вправо и влево, все-таки, какъ равнодѣйствующая, получалось какое то грозное *поступательное* движеніе. Продолживъ отдѣльные его фазисы на картѣ, она увидѣла, что это общее движеніе сводится *ни къ чему иному, какъ къ Индіи*; Россія съ каждымъ десяткомъ лѣтъ становилась къ ней все ближе и ближе. Тогда естественно, что практической Англіи нечего было задаваться вопросомъ, теперь для нея уже теоретическимъ, почему мы двигаемся къ Индіи, по какимъ соображеніямъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло? Она знала одно, что въ результатѣ мы съ каждымъ часомъ становимся все ближе къ ея владѣніямъ. Въ пространственномъ смыслѣ она была права. Роулинсонъ говорилъ по этому поводу такимъ образомъ: „я не войду въ разсмотрѣніе разныхъ соображеній, которыми руководствуется русское правительство, но предомыслимая ясная картина, что каждый шагъ или каждый фазисъ въ средне-азиатскихъ движеніяхъ Россіи напоминаетъ мнѣ параллель при осадѣ какой-нибудь долговременной крѣпости“. Авторъ намѣтилъ рядъ параллелей и старался убѣдить, что русскіе подходятъ къ Индіи такъ, какъ подходятъ къ какой-нибудь долговременной крѣпости. Послѣдующіе опыты показали, что Роулинсонъ много ошибался, и что будущія параллели, которыя онъ намѣчалъ съ пророческимъ экстазомъ, оказались фальшивыми; но это—второстепенная часть дѣла. Во всякомъ случаѣ Роулинсонъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что съ каждымъ пятью годами Россія въ Средней Азіи подвигалась все ближе къ Индіи, а это, очевидно, только и представляло для англичанъ интересъ.

Въ приведенномъ краткомъ очеркѣ я старался обрисовать картину того политическаго положенія, которое предшествовало въ Персіи, Афганистанѣ и въ Индіи англо-русскому соглашенію 18 августа прошлаго года. Теперь, въ послѣдующей своей части, я перейду къ описанію этого англо-русскаго соглашенія, разсмотрю его содержаніе и затѣмъ выскажусь, какъ оно рисуется мнѣ, человеку, уже имѣвшему случай заниматься средне-азиатскимъ вопросомъ и лично побывавшему во многихъ мѣстахъ и углахъ Средней Азіи.

Часть вторая.

1 Содержание соглашения 1907 года.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію содержанія соглашения 18 августа 1907 г. въ его наиболѣе интересныхъ статьяхъ. Начинаю опять съ Тибета.

Въ чемъ договорились между собою въ отношеніи Тибета Англія и Россія. Онѣ признали власть Китая надъ Тибетомъ, признали его право владѣть этой страной во всѣхъ отношеніяхъ и согласились, что всѣ переговоры, которые онѣ будутъ вести съ Тибетомъ, должны будутъ проходить черезъ китайское правительство. Вотъ основанія этихъ договорныхъ статей. Англія послѣ кампаній 1904 г. удержала нѣкоторыя привилегіи, главнымъ образомъ, торговля, которая практически сводится къ существованію трехъ рынковъ, на которыхъ проживаютъ англійскіе подданные и представители въ теченіе круглаго года и на которыхъ производится торговля съ Тибетомъ. Англія оставила за собою право имѣть своихъ представителей въ этихъ пунктахъ. Кромѣ того, Англія и Россія согласились, что онѣ не будутъ домогаться отъ Тибета какихъ либо концессій, ни горныхъ, ни желѣзнодорожныхъ (звучитъ нѣсколько наивно: — когда-то тамъ начнутъ строить дороги), ни какихъ-либо другихъ. Обѣ державы отказались отъ права отчуждать въ пользу русскихъ или англійскихъ подданныхъ какую либо часть территории Тибета или какія-либо его блага, подземныя или надземныя. Что же касается до религіозной стороны вопроса, она свелась къ слѣдующему. Какъ извѣстно, масса буддистовъ, между ними и русскіе подданные, ежегодно совершаютъ свои религіозныя путешествія въ Лхассу, гдѣ они пребываютъ въ молитвѣ, получаютъ благословеніе отъ первосвященника и затѣмъ возвращаются къ себѣ. Относительно этого благочестиваго дѣла въ договорѣ пишется, что русскіе и англійскіе буддисты по прежнему пользуются правомъ посѣщать Тибетъ для выполнения своихъ религіозныхъ обязанностей, но при томъ дѣлается оговорка, что эти обязанности должны быть только религіозными, а если паломники этого бюсти не будутъ, то соответствующее правительство обязано оказать на нихъ извѣстное воздѣйствіе; должно-ли оно состоять въ наказаніи богомольцевъ за политиканство, или въ устраненіи ихъ изъ предѣловъ Тибета, — объ этомъ не говорится.

Изъ приведеннаго мы видимъ, что относительно Тибета officialная сторона какъ будто выполнена въ корректномъ и приличномъ тонѣ. Китай объявленъ властелиномъ, переговоры съ Тибетомъ могутъ производиться только при его посредствѣ; ни Англія, ни Россія не имѣютъ права домогаться тамъ какихъ-либо приобрѣтеній, людемъ-же, которые идутъ молиться въ Тибетъ, оставлены ихъ старыя

права, но съ запрещеніемъ соединять молитву съ какимъ-либо другимъ дѣломъ.

Теперь, что говорятъ статьи относительно Авганистана? Общій смыслъ ихъ таковъ. Англія обязана уважать политическое положеніе Авганистана и не посягать ни на одну изъ его территорій. Это первое. Кроме того, ни сама она, ни авганскій эмиръ, — по крайней мѣрѣ, такъ сказано, — не имѣютъ права предпринять въ Авганистанѣ какихъ-либо мѣръ, враждебныхъ Россіи, а англичане даже обязываются воздѣйствовать на авганское правительство въ духѣ миролюбивыхъ его отношеній къ Россіи. Что же касается до послѣдней, то она признала Авганистанъ находящимся внѣ сферы ея политическаго вліянія и обязалась, что всѣ переговоры съ Авганистаномъ она будетъ вести при посредствѣ британскаго правительства. Торговья отношенія къ Авганистану были регулированы двумя такими положеніями: въ смыслъ торговыхъ привилегій Англія и Россія должны почитатьcя странами, находящимися въ одинаковомъ положеніи, т. е., если какія либо торговья привилегіи будутъ приобрѣтены Англіей или ея купцами, то Россія имѣетъ право претендовать какъ разъ на такія же привилегіи; съ другой стороны, если какія-либо привилегіи будутъ добыты Россіей, то и Англія имѣетъ право посягнуть на подобныя же привилегіи.

Сверхъ того, имѣется статья, что для улаженія приграничныхъ мелкихъ дѣлъ, съ очень ясной оговоркой — *не политическаго содержанія* — будутъ назначены соотвѣтствующіе комиссары или агенты, которые будутъ жить недалеко отъ границы, съ русской стороны отъ русскаго правительства и съ авганской отъ авганскаго, и эти комиссары будутъ дѣла рѣшать, не донося объ этомъ предварительно британскому правительству. Вотъ схема тѣхъ статей, которыя отнынѣ опредѣляютъ отношеніе Авганистана съ одной стороны къ Англіи, а съ другой стороны къ Россіи.

Наконецъ, относительно Персіи предусмтрѣна только экономическая сторона вопроса. Была проведена особая линія: сѣверная, проходящая отъ пункта на западной границѣ Персіи черезъ Касри-Ширинъ на Исфганъ и Іездъ, потомъ отсюда въ сѣверо-восточномъ направленіи до границы на востокъ, гдѣ сходятся Авганистанъ, Персія и Россія. Другая линія прошла чрезъ Газикъ, Берджанъ и Керманъ къ Бендеръ-Абасу, т. е. къ южному пункту Персидскаго залива. Постановлено, что территория Персіи, находящаяся къ сѣверу отъ первой линіи, находится или считается находящеюся подъ экономическимъ вліяніемъ Россіи. Такое вліяніе формулировалось въ статьѣ тѣмъ, что Англія не имѣетъ права ни для своихъ подданныхъ, ни для какихъ-либо другихъ лицъ искать въ области, отнесенной къ сферѣ вліянія Россіи, концессій — желѣзно-дорожныхъ, банковскихъ, транспортныхъ и вообще какихъ-либо другихъ или препятствовать достиженію подобныхъ же концессій со стороны Россіи или тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ она будетъ хлопотать. Это же право не спорить по вопросамъ о концессіяхъ съ Англіей Россія уступила Англіи за второй нижней чертой, проходящей на сѣверо-западѣ той части Персіи, которая носитъ названіе Керманской области и персидскаго Белуджистана.

Что касается до средней области, находящейся между двумя этими линиями, то она объявлена нейтральной; Россія и Англія остаются здѣсь въ положеніи свободно-конкурирующихъ странъ, т. е. концессіи получаетъ та изъ нихъ, которая сумѣетъ ихъ добиться. Есть такая оговорка, что, разъ Россія или Англія получили въ одной изъ сферъ какія-либо привилегіи до соглашенія, онѣ и послѣ него сохраняютъ эти привилегіи за собою. Въ началѣ персидской части соглашенія выставленъ тезисъ, *нѣсколько* расходящійся съ послѣдующими дѣлежками; онъ гласитъ, что Англія и Россія признають неприкосновенность и самостоятельность Персіи.

Вотъ въ чемъ состоятъ тѣ статьи договора, которыя касаются Персіи. Больше мелкихъ сторонъ вопроса я касаться не буду, потому что онѣ, во-первыхъ, не носятъ столь принципиальнаго отгѣнка, какъ приведенныя, а, во-вторыхъ, вытекаютъ изъ главныхъ статей, какъ логическое слѣдствіе; въ иныхъ-же случаяхъ онѣ являются лишь частными коррективами, предусматривающими нѣкоторыя маленькія мѣстныя недоразумѣнія и вспышки.

2. *Отношеніе общественнаго мнѣнія Англіи и Россіи къ соглашенію 1907 года.*

Интересно теперь остановиться на вопросѣ, какъ общественное мнѣніе обѣихъ странъ отнеслось къ англо-русскому соглашенію. Прежде всего начну съ англичанъ. Англичане вообще, а особенно общественное мнѣніе острововъ Великобританіи, отнеслись къ англо-русскому соглашенію одобрительно. Они находили, что англо-русское соглашеніе открываетъ собою новую, не виданную никогда ранѣе миролюбивую эру въ Средней Азій. Газеты проводили мысль, что отнынѣ въ Средней Азій наступитъ общее благополучіе, и опасаться чего-либо уже, вѣроятно, не придется. Если вы за покровомъ этихъ общихъ красивыхъ фразъ попытаетесь открыть истинные мотивы, которые привели английскую печать къ такимъ веселымъ выводамъ, ваши поиски не увѣнчаются успѣхомъ. Вамъ даже скоро бросится въ глаза то обстоятельство, что англійскія газеты, несмотря на обычную серьезность ихъ по отношенію къ трактуемымъ предметамъ, а особенно ко всему, что касается Средней Азій, несмотря на то, что статьи такого характера обычно пишутся специалистами,—совершенно не входятъ въ детали англо-русскаго соглашенія, не входятъ, конечно, не потому, что не знаютъ ихъ, а потому, что эти детали, повидимому, англичанъ не интересуютъ. Они похожи на тѣхъ людей, которые сильно чему то обрадовались и не хотятъ даже задуматься надъ той причиной, которая вызвала эту высокую радость. Какъ надо понимать такое отношеніе англичанъ къ содержанію англо-русскаго соглашенія?

Какъ бы ни были въ дѣйствительности ничтожны торговые интересы Англіи въ Авганистанѣ и Тибетѣ,—напр., съ Тибетомъ англійская торговля ограничивается только 3½ милліон. руб. въ годъ, что для Англіи слишкомъ ничтожно,—какъ бы ни были эти страны сами по себѣ скромны и малы, тѣмъ не менѣе англійской печати надлежало бы остановиться съ большими подробностями на тѣхъ

событияхъ, которыя нависли теперь надъ средне-азиатской обстановкой послѣ англо-русскаго соглашенія. Печать этого не дѣлала. Очевидно, она довольна этимъ соглашеніемъ не по непосредственному содержанию этого соглашенія, а по какимъ то особымъ цѣлямъ, которыя имъ были достигнуты. Эти цѣли настолько широки, настолько всеобъемлющи, что маленькія скромныя детали Средней Азии совершенно брошены за бортъ, какъ неинтересныя. Болѣе чѣмъ ясно, что англійская печать довольна англо-русскимъ соглашеніемъ главнымъ образомъ потому, что имъ достигались нѣкіе далекіе для Англій горизонты, какія то чисто имперскаго масштаба цѣли. Какія, я не стану сейчасъ говорить объ этомъ, предоставляя моимъ слушателямъ самимъ сдѣлать желательные выводы.

Иначе отнеслась къ англо-русскому соглашенію англо-индійская печать. Въ Индіи есть люди, глубоко знающіе Среднюю Азію, много ею занимающіеся и принимающіе событія, которыя въ ней происходятъ, близко къ своему сердцу. Мало того. Въ Индіи чувствуется средне-азиатская обстановка гораздо живѣе, чѣмъ это наблюдается въ далекомъ Лондонѣ. Это ясно сказалось на отношеніи англо-индійской печати къ англо-русскому соглашенію. Англо-индійская печать этимъ соглашеніемъ въ общемъ недовольна. Она его осуждаетъ, она говоритъ, что Англія все потеряла, ничего взамѣнъ не получивши. Россія, несмотря на то, что ея престижъ упалъ, что она поколеблена, явилась, по словамъ этой печати, въ этомъ дипломатическомъ соперничествѣ побѣдительницей. Въ своемъ пылу англійскіе публицисты доходятъ до крайностей. Одинъ изъ нихъ, выступившій со статьей въ *Pioneer Mail*, газетѣ, издающей въ Аллабадѣ (Индія), сравниваетъ Англію и Россію съ двумя бульдогами, которые жили у него въ полномъ согласіи на дворѣ и начали приводить хозяина къ мысли, что они никогда между собою не передерутся. Но разъ товарищъ предложилъ ему провѣрить миролюбіе собакъ: „брось имъ кость—и ты увидишь, каково ихъ истинное отношеніе“. Кость была брошена, и черезъ двѣ минуты бульдоги передрались въ кровь. Авторъ хочетъ сказать, что миръ между Россіей и Англіей возможенъ лишь до первой „кости“. Сравнить двѣ страны съ собаками—дѣло некрасивое, словъ нѣтъ, но фактъ говорить, что индійскіе англичане, въ статьяхъ которыхъ появляются подобныя сравненія, много переживали и много поскорбѣли душой, прочитавши строки англо-русскаго соглашенія.

Чтобы войти въ подробности по вопросу о томъ, какъ къ соглашенію отнеслась англо-индійская печать, я остановлюсь на мнѣніи двухъ авторитетовъ по средне-азиатскому вопросу, изъ которыхъ одинъ извѣстный русской публикѣ венгерецъ Вамбери, а другой—молодой англичанинъ Гамильтонъ. Вамбери интересенъ тѣмъ, что при всѣхъ событіяхъ, при которыхъ Англія и Россія вступаютъ между собой въ какія-либо препирательства, этотъ человѣкъ старается изо всѣхъ силъ защищать интересы Англіи, а по адресу Россіи обыкновенно начинаетъ твердить разныя сплетни и клевету, обрушиваясь на нее всевозможными нападкамі. Явленіе такихъ людей, какъ венгерскій профессоръ, вѣроятно, останется навсегда загадкой. Еще съ 60-хъ годовъ, послѣ путешествія своего по Средней Азии, этотъ человѣкъ возымѣлъ упоръ

ную мысль постоянно служить охранителемъ британскихъ интересовъ и постоянно атаковать или подрывать интересы Россіи. Что его побуждаетъ къ этому, почему онъ такъ усердно стоитъ на стражѣ интересовъ чуждой ему страны, сказать трудно;—если бы спросили объ этомъ Вамбери, онъ, можетъ быть, и самъ на это не отвѣтилъ бы. Человѣкъ теперь уже старый, уже значительно потерявшій остроту своей критики и разумѣнія, человѣкъ, въ послѣднее время даже слабо слѣдившій за средне-азиатскими событіями, Вамбери тѣмъ не менѣе, какъ только было заключено англо-русское соглашеніе, немедленно ополчился противъ Россіи, а на этотъ разъ и противъ Англіи статьей въ одномъ изъ видныхъ англійскихъ журналовъ ¹⁾. Въ этой статьѣ нѣтъ уже прежней соли, нѣтъ прежней яркости изложенія нѣтъ даже прежняго знакомства съ событіями, которыми такъ шеголялъ это специалистъ по Средней Азіи, но его доводы во всякомъ случаѣ характерны. Онъ говоритъ, что англійскихъ дипломатовъ онъ рѣшительно отказывается понимать. Какъ можно „состряпать“ такое соглашеніе, какое они состряпали? Онъ начинаетъ иронизировать по поводу теоретическаго угла зрѣнія, который свойственъ нѣкоторымъ дипломатическимъ дѣятелямъ Англіи, говоритъ, что это теоретическое мышленіе не имѣетъ ничего общаго со здравомысліемъ, и въ своемъ увлеченіи по-старому доходить до угрозъ и мрачныхъ предсказаній.

Впослѣдствіи я нѣсколько коснусь отдѣльныхъ его замѣчаній, теперь же укажу только на одинъ интересный пунктъ его статьи, который имѣетъ несомнѣнный смыслъ и съ которымъ надо согласиться. Этотъ пунктъ касается Персіи. Вамбери говоритъ, что Англія и Россія обидѣли Персію. Страну, которая находится въ броженіи, которая идетъ къ свободѣ, которая начинаетъ себя понимать, какъ органически цѣлое, и которая начинаетъ уважать свое прошлое, укрѣпляясь въ уваженіи къ настоящему, такую страну четвертовать на глазахъ цѣлаго свѣта—завѣдомая ошибка. Кто же признаетъ эти сферы вліянія, кто ихъ признаетъ *въ нравственномъ смыслѣ*? Что Вамбери въ данномъ случаѣ былъ правъ, тому свидѣтельствомъ является извѣстное заявленіе со стороны персидскаго правительства, которое послѣдовало вскорѣ послѣ опубликованія англо-русскаго соглашенія. Персидское правительство сказало въ своемъ заявленіи, что англо-русское соглашеніе оно считаетъ не касающимся Персіи, какъ самостоятельнаго и самодовлѣющаго государства, что Персія—страна свободная во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ, и что она будетъ всегда поступать такъ, какъ поступала прежде и какъ приличествуетъ поступать уважающей себя странѣ.

Въ другомъ вопросѣ, опять таки касающемся Персіи, взглядъ Вамбери уже отличается очевиднымъ пристрастіемъ, какъ и въ вопросѣ объ Авганистанѣ, какъ, наконецъ, и въ вопросѣ о Тибетѣ. Объ этомъ я буду говорить ниже, попутно упоминая доводы венгерца, съ которыми лично я во многихъ случаяхъ категорически не согласенъ.

¹⁾ Nineteenth Century, December, 1907.

Но почему-же намъ интересенъ Вамбери? Потому, что онъ является отраженіемъ мысли торійской части лондонскаго общества. Хотя въ ближайшее время по вопросу объ англо-русскомъ соглашеніи она, по политическимъ условіямъ, должна была почти отмолчаться, но несомнѣнно, она мыслить такъ, какъ говорить объ этомъ венгерскій профессоръ, и будь она у власти, англо-русское соглашеніе, вѣроятно, или не увидѣло бы свѣта, или, можетъ быть, получило бы нѣсколько другую оболочку. Лордъ Керзонъ говорилъ въ палатѣ лордовъ, что при Сольсбэри намѣченъ былъ планъ болѣе широкаго соглашенія между Англійей и Россіей, но мы хорошо знаемъ эти широкіе замыслы, которые имѣютъ одинъ постоянный недочетъ: они умираютъ въ головахъ политиковъ.

Что касается до Гамильтона, то этотъ человѣкъ интересенъ въ другомъ смыслѣ. Мнѣ пришлось осенью 1904 г. встрѣтиться съ нимъ въ гор. Ошѣ. Случайно я наткнулся здѣсь тогда на двухъ англичанъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, а другой—маленькій. Одинъ разыскивалъ какія то гостиницы—вѣроятно, это была просто выдумка, другой изучалъ „нравы и обычаи края“. Кромѣ англійскаго, они никакого другого языка не знали, развѣ два-три слова по нѣмецки и г¹/₂ по французски. Положеніе ихъ было безпомощное. Когда я наткнулся на нихъ—или они на меня,—британцы поспѣшили использовать меня въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ имъ это представлялось интереснымъ. Маленькій англичанинъ отрекомендовался членомъ Лондонскаго Географическаго Общества и назывался Гамильтономъ. Онъ началъ меня разспрашивать о населеніи, о характерѣ его жизни, о городахъ, объ исторіи страны, ея плодородствѣ и т. д. Всѣ эти вопросы были столь примитивны, столь порою наивны, что я сразу видѣлъ, что передо мною человѣкъ, который впервые вступаетъ на территорію Средней Азіи и впервые начинаетъ заниматься ею. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ два-три мѣсяца, получивши одну англо-индіюскую газету, я нашелъ въ ней длиннѣйшую статью о нашей Средней Азіи, написанную Гамильтономъ; авторъ, выдавая себя уже за авторитетъ, набрасывалъ цифру за цифрой, дѣлалъ всякія обобщенія, усматривалъ какіе то тонкіе планы со стороны русскихъ... однимъ словомъ, велъ себя, какъ специалистъ чистѣйшей воды. Мое удивленіе еще болѣе возросло, когда черезъ годъ тотъ-же Гамильтонъ выпустилъ въ свѣтъ большую книгу,—говорю „большую“, въ смыслѣ объема, — названную „Авганистанъ“ и посвященную лорду Керзону ¹⁾, въ которой онъ трактовалъ объ этой странѣ во всей широтѣ затронутого имъ вопроса. Эта книга одна изъ характернѣйшихъ въ томъ смыслѣ, что въ ней трудно найти страницу, гдѣ въ частяхъ ея, касающихся русскихъ владѣній, не было бы какой нибудь лжи или выдумки. Даже рисунки, и тѣ были перепутаны: какое нибудь ушелье совершенно расходилось съ помѣщенной ниже подписью: оно, напримѣръ, относилось къ какому либо мѣсту въ Западной Бухарѣ, а подпись означала какое-нибудь мѣсто въ Кашгаріи, за 500 верстъ къ востоку. Все было перепутано, данныя о вооруженіи и гарнизонахъ были поистинѣ комичны.

¹⁾ Afghanistan, by Angus Hamilton. London 1906, 545.

И тѣмъ не менѣе, я этого человѣка привожу въ качествѣ интересной данной при обсужденіи затронутого мною вопроса. Въ какомъ смыслѣ? А потому, что Гамильтонъ является довольно отчетливымъ рупоромъ, черезъ который говорить англо-индійское общество. Можетъ быть, онъ лепечетъ объ Индіи, какъ ребенокъ, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, но онъ лепечетъ то, что здѣсь говорятъ взрослые. Что же говорить этотъ рупоръ? Онъ обрушивается на англо-русское соглашение со злобой, я сказала бы даже съ остервененіемъ. Онъ ругаетъ англійскую дипломатію до невоздержанности.¹⁾ Тутъ же онъ пускаетъ въ ходъ по адресу Россіи тѣ злобныя легенды и тѣ клеветы, которыхъ такъ много въ Средней Азіи и которыя такъ легко зарождаются подъ ея знойнымъ солнцемъ,—о томъ, напр., что будто бы мы въ послѣдніе годы посылали въ Кабулъ тайное посольство, что была написана какая-то бумага, въ которой кто-то кого-то переманивалъ, чуть ли не самого эмира Хабибуллу, что за этой бумагой послѣдовала другая, какая-то особенная, и т. д.

Казалось бы, что публицисту, хоть нѣсколько себя уважающему, должно быть стыдно пользоваться такими курьезными матеріалами, да еще издавать ихъ въ книгѣ или въ журналѣ, который долженъ обойти весь свѣтъ. Но люди такого пошиба, какъ Гамильтонъ, по неопытности или по другимъ причинамъ, подобными вещами не смущаются. Они охотно пользуются всѣми этими сплетнями; мало того, воспользовавшись двумя-тремя изъ нихъ, они дѣлаютъ изъ нихъ крупныя выводы, касающіеся достоинства не только чужой страны, о чѣмъ они въ своей ненависти, можетъ быть, много не думаютъ, но и достоинства своей собственной родины.

Я привожу Гамильтона не изъ за вниманія къ его личнымъ мнѣніямъ, которыя по своему содержанію едва ли такового заслуживаютъ, а по другимъ причинамъ. Если Гамильтонъ является отраженіемъ настроенія англо-индійскаго общественнаго мнѣнія, а это англо-индійское общественное мнѣніе въ своей злобѣ доходитъ до того, что вѣрять всякой возникающей сплетнѣ, какъ бы мелка и пошла она ни была, то это говорить о такомъ неблагоприятномъ настроеніи для миролюбивыхъ отношеній. Это говорить о такой глубоко коренящейся злобѣ въ средѣ индо-англичанъ, что невольно возникаетъ вопросъ: какими же трактатами, какими договорными соглашениями можно смирить эту злобу, заглушить эти дурно-направленныя впечатлѣнія, или съ другой стороны, какая-же можетъ быть надежда, что на средне-азиатской обстановкѣ настанутъ мирныя и добрососѣдскія отношенія, если въ Индіи могутъ о соглашеніи такъ мыслить, какъ Гамильтонъ? Этотъ злобный языкъ политическаго младенца интересенъ именно въ томъ смыслѣ, что онъ искренно отражаетъ то настроеніе,

¹⁾ Его статья была помѣщена въ *Fortnightly Review*, November, 1907. Вообще англичане, критикующіе соглашение 1907 г., применяютъ обыкновенно языкъ рѣзкій и до крайности грубый. Можетъ быть, только лорду Перси удалось, критикуя соглашение, сохранить сдержанный и корректный тонъ. См., напр., *Morning Post*, November 13, 1907. Г. г.-же Вамбери, Лейт, Гамильтонъ, Фрэнзъ (*National Review*, December, 1907) и др. успѣшно соперничаютъ другъ съ другомъ, какъ въ злобности тона, такъ и въ наглости грубостей.

которое не предвѣщаетъ ничего добраго. Въ Англіи могутъ слагаться какія угодно политическія и общественныя теченія, но если средне-азиатскій авангардъ ея чувствуетъ себя такъ настроеннымъ, какъ это проявляется Гамильтономъ, то проку и добра на средне-азиатской обстановкѣ ждать не приходится.

Теперь я упомяну о томъ, какъ реагировала на англо-русское соглашение русская печать. Въ общемъ надо сказать, что она отнеслась къ этому соглашенію добродушно. Общій смыслъ статей былъ таковъ, что наконецъ-то въ Средней Азіи положенъ предѣлъ длительнымъ недоразумѣніямъ, затихла хоть временно вражда и, Богъ дастъ, наладятся когда нибудь новыя, болѣе дружескія и болѣе теплыя взаимныя отношенія Россіи и Англіи. Но поразителенъ тотъ фактъ, что и русская печать не вошла въ подробности этого соглашения. Странно даже читать статьи по этому поводу въ серьезныхъ — я говорю въ смыслѣ осведомленности — газетахъ и видѣть, что всѣ онѣ совершенно не хотятъ входить въ детали. Онѣ держатся того общаго тона, что вотъ, молъ, въ Средней Азіи на чемъ-то остановились, что-то наладилось, и что теперь, наконецъ, здѣсь люди не будутъ болѣе смотрѣть другъ на друга враждебными глазами. О томъ же, выгодно ли это соглашеніе или нѣтъ, кто выгадалъ, кто прогадалъ, можно ли разсчитывать въ будущемъ, что все начнетъ обстоить благополучно, печать этихъ вопросовъ, можетъ быть и трудныхъ, но неизбежныхъ, не затрагивала. Повидимому, въ данномъ случаѣ русская печать опять-таки утѣшалась общими соображеніями. Ее удовлетворяла общая утѣшительная перспектива, которая яко бы достигалась этимъ англо-русскимъ соглашеніемъ, а что отъ этого произошло на самомъ дѣлѣ, какія судьбы были заготовлены для Афганистана, Тибета и Персіи, что ожидаетъ послѣ соглашения прирубежныхъ жителей, объ этомъ печать не задумывалась.

Я не буду останавливаться на тѣхъ догадкахъ, которыя естественно возникаютъ при объясненіи такого отношенія нашей печати, и укажу только, что одной изъ причинъ этого явленія, какъ мнѣ думается, было искреннее удовлетвореніе, что на какомъ-то фронтѣ нашей огромной родины дѣло стало обстоить благополучно. Слишкомъ много было пережито испытаній, слишкомъ много было тревогъ, да и по сію пору, какъ всѣмъ извѣстно, изо дня въ день ходятъ грозные слухи, создаются мрачныя повѣрія; и вотъ думать, что въ какомъ-то углу родины дѣло обстоить спокойно, само по себѣ доставляло уже такое удовлетвореніе, что русская печать не задумывалась надъ деталями и сказала: „слава Богу, можно хоть на этотъ уголокъ земли нѣсколько понадѣяться“. Это общее чувство удовлетворенія оказалось, вѣроятно, одной изъ причинъ, почему русская печать отнеслась къ соглашенію искренно, со свойственной русскому народу простотой, повторяя въ данномъ случаѣ его обычную искренность и довѣрчивость къ каждому доброму акту.

*Оценка англо-русского соглашения 1907 г.**а) Нервные недостатки его: неискренность и пренебрежение къ азіатскимъ государствамъ.*

Теперь, рассказавъ содержаніе соглашенія и отмѣтивъ, какъ къ нему отнеслась печать, попробую высказать нѣсколько личныхъ замѣчаній, которыя настойчивѣе и скорѣе другихъ, болѣе отдаленныхъ выводовъ, вытекаютъ изъ разсмотрѣнія этого англо-русскаго соглашенія. Я не могу подвергнуть его большой специальной оцѣнкѣ, это не входитъ въ задачи моей настоящей лекціи, но я остановлюсь на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ чертахъ, которыя могутъ быть отмѣчены даже при поверхностномъ и краткомъ изложеніи вопроса. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что въ Персіи проведены какія то линіи; одна линія проходитъ черезъ города или пункты срединной Персіи, а другая черезъ пункты юго-восточной. Почему сѣверная линія проходить именно черезъ такой пунктъ, а не прошла нѣсколько сѣвернѣе или нѣсколько южнѣе, почему юго-восточная линія охватываетъ кусокъ Персіи, обращенный къ Индіи, и упирается въ океанъ, почему южная линія на востокѣ упирается въ авганскую границу, а сѣверная, наоборотъ, очень старательно уклоняется отъ этой границы?

Если вы отъ Персіи перейдете къ Авганистану, то вы вновь наткнетесь на рядъ вопросовъ,—почему, напр., при обсужденіи авганской части соглашенія цѣлыя статьи посвящены пограничнымъ недоразумѣніямъ, почему съ такой осторожностью говорятъ о назначеніи агентовъ? Каковы эти приграничныя недоразумѣнія? Вѣдь, вѣроятно, это обычные въ Азіи споры изъ-за воды, споры изъ-за острововъ, изъ-за пастбищныхъ районовъ. Но тогда спрашивается, развѣ можно такія маленькія темы, какъ нѣчто большое, вставлять въ вопросы государственной важности? Что за горе, если какая нибудь корова съ бухарскаго берега переплыветъ на другой—въ Авганистанъ, развѣ она безъ договорнаго соглашенія не будетъ водворена обратно? Или, если приграничные жители перессорятся изъ за арычной воды,—развѣ изъ за этого не ссорятся ежедневно во всѣхъ странахъ Средней Азіи и развѣ, поссорившись, не приходятъ сами къ какому-нибудь соглашенію,—то стоитъ ли поднимать такія маленькія темы двумъ государствамъ въ такомъ серьезномъ государственномъ актѣ?

Если вы перейдете къ Тибету, то тутъ васъ поражаетъ та сторона, что на сценѣ фигурируютъ какія то темы, которыя для васъ не ясны, но которыя намекаютъ на теоретическій или даже излишне теоретическій характеръ соглашенія. У васъ сразу возникаетъ вопросъ, развѣ въ Персіи, Авганистанѣ или Тибетѣ рѣчь по существу идетъ объ этихъ линіяхъ или о приграничныхъ недоразумѣніяхъ, развѣ вопросъ въ этихъ трехъ рынкахъ, которыхъ добилась Англія въ Тибетѣ? Почему же, во всякомъ случаѣ, ни Россія, ни Англія не поднимаютъ тѣхъ вопросовъ, которые по существу интересны и которые являются темами вѣковыми, постоянно фигурирующими въ политической литературѣ обѣихъ соперницъ Средней Азіи?

Подобная игра въ жмурки доходитъ до того, что, прочитавъ

англо-русское соглашение отъ начала до конца, вы нигдѣ, напр., ни одного слова не услышите объ Индіи. Несомнѣнно, она всюду фигурируетъ, она подразумѣвается на каждомъ шагѣ. Отчего же объ странѣ не сказали другу другу, что дѣло идетъ не объ этихъ примударинскихъ рубежахъ, не объ Исфгани и не объ этихъ незначительныхъ городкахъ, которые пересчитываются въ соглашеніи, а совершенно о другихъ темахъ, и что существуетъ безпокойство, главнымъ образомъ, изъ-за *двухъ темъ*; эти темы касаются Индіи и доступа въ Персидскій заливъ. Теперь *задайтесь* вопросомъ, почему же ни Россія, ни Англія о нихъ не упомянули, почему нашли возможнымъ эти капитальные вопросы замѣнить вопросами частными, мелкими? Вы тщетно будете ждать отвѣта.

Мнѣ рисуется, что характерной особенностью, основнымъ недостаткомъ англо-русскаго соглашения, является его *неискренность*. Все это соглашение неискренно. Люди собираются наладить мирную обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорятъ, по поводу чего же онѣ рѣшаются быть миролюбивыми. Онѣ начинаютъ бѣгать по какимъ-то угламъ среднеазиатской территоріи и говорятъ обо всемъ, о чемъ угодно, но не о томъ, что интересно. проводятъ апокалипсическія линіи, затрогиваютъ этихъ маленькихъ бѣдныхъ людей, которые обойдутся и безъ нихъ, но не задаются вопросами капитальной важности, на которые весь міръ хотѣлъ бы отъ нихъ слышать отвѣтъ. Россіи нужно было бы поднять вопросъ, что Англія думаетъ объ Индіи, какъ она смотритъ на свою колонію, допустить ли она нѣтъ туда или нѣтъ съ другой стороны, Англія должна была бы честно сказать, что для нея весь вопросъ только въ Индіи и въ водахъ Персидскаго залива, что она боится именно за нихъ, боится перспективы возможнаго столкновения съ Россіей, такъ какъ этотъ несчастный день можетъ повлечь ея паденіе въ воды океана.

Сказанная неискренность является самой опасной стороной англо-русскаго соглашения. Люди въ жизни никогда не заключаютъ настоящей мировой, если они отъ сердца и по-человѣчески не скажутъ, чему придадутъ значеніе, въ какихъ *главныхъ цѣляхъ* они хотятъ договориться.

Другая сторона, которая вызываетъ недоразумѣнія, слѣдующая. Посмотрите сначала на Персію. Первая статья персидской части соглашения говоритъ, что договаривающіяся государства будутъ уважать ея независимость и неприкосновенность территоріи, верховныя права ея вѣдателя, а вслѣдъ за этимъ вы видите, что эту страну начинаютъ четвертовать: это молъ къ сѣверу мое, твое къ юго-востоку, а тамъ территорія нейтральная. Кто то отсюда придетъ, и для кого-то Англія и Россія приготовили съ запада такія хорошія ворота! Какъ согласовать эту основную статью съ послѣдующимъ раздѣломъ Персіи? Вѣдь это было бы страшно и раньше, это еще страшнѣе теперь, когда въ Персіи пробуждается національное движеніе, когда страна начинаетъ понимать себя, когда она начинаетъ сознавать свои силы, начинается чувствовать связь съ Германіей и возможность покровительства съ этой стороны. Сказать этой странѣ, что ее дѣлать, какъ кусокъ мяса, значить глубоко оскорбить самую страну и обита-

ющий въ ней народъ. Развѣ можетъ быть надежда у Англіи и Россіи, что персидскій народъ когда-либо проститъ эту дѣлежку?

Пойдемъ далѣе. Относительно Авганистана въ нѣсколько замаскированной формѣ говорится, что тамъ будутъ слушать эмира авганскаго, и наиболѣе существенное въ статьяхъ ставить въ зависимость отъ его рѣшенія, но нельзя забывать, что эмира авганскаго называютъ въ Средней Азій английскимъ *нукеромъ*, т. е. слугою... это вамъ скажетъ здѣсь каждый простолюдинъ. И теперь объ этомъ-то нукерѣ говорятъ, что отъ него будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса капитальной важности; вѣдь по существу такое постановленіе равносильно тому, что все будетъ зависѣть отъ Англіи. Допустимъ, что авганскій народъ, живущій по горнымъ тѣснотамъ, далеко отъ центра жизни, не узнаетъ сразу и не пойметъ того униженія, которое ему приуготовано въ соглашеніи, но вѣдь рано или поздно его охватитъ сознание этого. А авганскій народъ считается народомъ самолюбивымъ! Каковы же будутъ результаты этого дѣла, этого запрета Авганистану жить политической жизнью или только въ извѣстномъ направленіи воплощать свое политическое дыханіе? Къ сѣверу, напризмѣръ, для него прекращена вся политическая жизнь, направленная исключительно къ юго-восточному выходу.

Это есть такое же оскорбленіе, какъ и по отношенію къ Персіи, и надо думать, что оно авганскимъ народомъ прощено не будетъ. Точно также обстоитъ дѣло и по отношенію къ Тибету.

Эта сторона является также одной изъ существеннѣйшихъ, которая заставляетъ бояться за благіе результаты англо-русскаго соглашенія. Какъ бы эти страны ни были малы, но все таки въ Персіи нѣкоторые насчитываютъ до 9 милліон. народу, въ Авганистанѣ—5, въ Тибетѣ—2,—итого 16 милліоновъ. Эти 16 милліон. все таки не горсть. Вѣдь эти люди жили здѣсь тысячелѣтія, жили своимъ оригинальнымъ, хотя, можетъ быть, и скромнымъ укладомъ, молились своимъ богамъ, имѣли свою исторію и цѣлый рядъ своихъ традицій. Съ этими традиціями связанъ цѣлый сонмъ преданій, съ ними связана народная гордость; посягнуть на все это въ данную минуту, полагаясь на богатства и оружіе, это несомнѣнная ошибка.

Вотъ почему я считаю второй существенной ошибкой англо-русскаго соглашенія его слишкомъ открыто проявленное *пренебреженіе къ тѣмъ странамъ, о которыхъ оно трактуетъ*.

б) Кто болѣе выигралъ—Россія или Англія? Ошибочно ожидать миралюбія въ Средней Азій.

Теперь на очередь является очень интересный и сложный вопросъ: кто же въ концѣ концовъ выигралъ при этомъ соглашеніи. Англія или Россія? По этому поводу нужно замѣтить, что со стороны Англіи люди, занимавшіеся этимъ вопросомъ, въ одинъ голосъ говорятъ, что Англія прогадала. Я же со своей стороны позволю себѣ имѣть свое мнѣніе и утверждать, что прогадала Россія. Такимъ діаметрально противоположнымъ взглядамъ удивляться не приходится. Неизбѣжная доля патріотизма, извѣстное пристрастіе къ своей родинѣ, очень понятная жадность, когда дѣло касается своей страны, нѣсколько зату-

маненный благодаря этому критическій взоръ... все это является достаточнымъ объясненіемъ, почему люди, дорожащіе достояніемъ своей страны, многое преувеличиваютъ.

Я не буду останавливаться подробно на этой темѣ и приведу только для примѣра, какъ смотритъ на вопросъ о выгодахъ профес. Вамбери, а затѣмъ выскажу и свой взглядъ на это. Говоря о Персіи, Вамбери разсуждаетъ такъ: прогадала безъ сомнѣнія Англія, ибо она отдала Россіи самую лучшую, самую богатую, самую разработанную часть этой территории съ большими торговыми пунктами, съ богатыми мѣстами, съ горами, содержащими горныя богатства; а себѣ она взяла Керманскую область и персидскій Белуджистанъ, т. е. страны бѣдныя, пустынные, ничего не значущія, въ которыхъ даже верблюдъ, этотъ мученикъ степей, и тотъ не выдерживаетъ путешествія и издыхаетъ. Наконецъ, обѣ страны оставили одинъ клочекъ Персіи совершенно безъ вниманія, оставили доступъ для какой-то другой страны. Входя въ детали, онъ далѣе говоритъ: „торговый путь на Керманшахъ, на который было убито много денегъ и энергіи, Англія безповоротно теперь потеряла и когда все это было сдѣлано? Когда съ Россіей можно было торговаться и получить отъ нея все, что было угодно“.

Итакъ, Вамбери говоритъ, что въ Персіи прогадала Англія. Примѣню теперь другую логику. Если всматриваться въ эти линіи и задаться вопросомъ, что получили страны, отвѣтъ будетъ таковъ. Въ той части, которая теперь *официально* отгорожена въ пользу Россіи, послѣдняя являлась фактическимъ властителемъ уже давно. Дала ли намъ что-нибудь Англія, отгородивши въ нашу пользу эту страну къ сѣверу? Рѣшительно ничего. Наше политическое и экономическое преобладаніе чувствуется здѣсь уже не первое столѣтіе. Да оно и естественно. Съ Персіей мы имѣемъ сношенія полтора столѣтія, если не больше; мы соприкасаемся съ ней на длинной границѣ, находимся отъ нея на разстояніи двухъ-трехъ переходовъ, можемъ при первой необходимости нажать на нее и заставить ее выполнить всѣ наши условія.

Прочитайте новѣйшія путешествія Пассека, Риттиха и др. и вы увидите, что наши экономическія завоеванія давно продвинулись на югъ, за ту черту, которую мы провели теперь съ англичанами. Значить, давая намъ кусокъ, о которомъ плачется Вамбери, Англія намъ дала—если это можно назвать даваніемъ—то, что давно принадлежало намъ, мало того, дала то, чего не дала или отняла отъ насъ она не имѣла силы.

Съ другой стороны, если мы зададимся вопросомъ, что мы уступили Англіи, то увидимъ, что дали ей тотъ районъ, который приближаетъ Британію къ полному овладѣнію Персидскимъ заливомъ. Свою сѣверо-западную оборону Индіи она передвигаетъ отъ себя на такой большой прирѣзокъ территории, что обезпечиваетъ свою колонію заново, присоединяетъ окончательно весь Белуджистанъ, часть южнаго Авганистана и замыкаетъ въ огромной территоріи, окончательно выбрасывая изъ нее насъ, какъ своихъ наиболее серьезныхъ противниковъ. Она даетъ намъ только то, что принадлежало намъ, а сама заставляетъ насъ *официально* отказаться отъ нашей исторической задачи—про-

биться когда либо къ берегамъ Индйскаго океана. Пусть эту идею называютъ излишне теоретичной, пусть говорятъ, что эта задача не по силамъ намъ, что она есть нѣчто книжное, но вѣдь англичане отнюдь не считаютъ этотъ вопросъ книжнымъ. Отрѣзая насъ отъ Персидскаго залива, они кладутъ продолжительное veto на тѣ государственные вопросы, которые занимали очень многихъ людей въ Россіи и о которыхъ многіе болѣли.

Вы скажете мнѣ, что Россіи остается возможность пройти къ Персидскому заливу къ западу отъ южной изъ разграничивающихъ линій. Это совершенно вѣрно, но вѣдь, во первыхъ, достиженіе указанной части Персидскаго залива по топографическимъ условіямъ обставлено большими затрудненіями, и, во вторыхъ, если вы послѣ долгихъ усилій даже и пробьетесь въ концѣ концовъ къ заливу, вы очутитесь у закрытаго моря, выходъ изъ котораго будетъ завистъ отъ другихъ. Какой же смыслъ затрачивать милліоны и энергію, если въ результатѣ опять-таки придется находиться подъ властью тѣхъ же англичанъ, которые запираютъ у Бендеръ-Абаса выходъ изъ Персидскаго залива въ Индйскій океанъ? Вотъ почему я считаю совершенно справедливымъ мое утвержденіе, что въ своемъ договорномъ соглашеніи съ Англіей *Россія надолго отказывается отъ одной изъ своихъ крупныхъ историческихъ задачъ.*

Перейду теперь къ вопросу объ Авганистанѣ. Вамбери перечисляетъ, что въ Авганистанѣ Англія вела много войнъ, потратила большія деньги, что она субсидируетъ авганскаго эмира,—дастъ ему 1,800,000 рупій въ годъ—и послѣ такихъ тратъ и жертвъ въ концѣ концовъ ставить себя въ одинаковыя условія съ Россіей. Это-ли, молъ, не безуміе... и старикъ по прежнему принимается ругаться. Я со своей стороны скажу такимъ образомъ. То положеніе, въ которое Россія поставила себя въ отношеніи Авганистана, то есть положеніе государства, сосѣдствующаго съ нимъ на двѣ тысячи верстъ и не имѣющаго никакихъ сношеній съ этой страной, я называю политическимъ *pompes'омъ* или, выражаясь попросту, политическимъ неразуміемъ. И говорю это въ данномъ случаѣ не я одинъ. Когда Керзонъ подготавливалъ Тибетскую экспедицію, то имъ была высказана знаменательная фраза,—ее можно найти въ одной изъ двухъ „синихъ книгъ“, опубликованныхъ по поводу Тибетской экспедиціи. Лордъ сказалъ, что для Англіи, гордой и богатой страны, постыдно жить съ Тибетомъ рядомъ и не имѣть съ этой страной никакихъ сношеній. Приводя этотъ доводъ, подсказанный разумной государственной гордостью, въ примѣненіи къ Авганистану, я еще съ большимъ правомъ могу сказать, что *странно и постыдно такой могучей странѣ, какъ Россія, жить рядомъ съ другой страной, имѣя общую границу болѣе чѣмъ въ 2000 верстъ и не имѣть съ этой страной никакихъ сношеній.* Но исправлена-ли эта крупнѣйшая ошибка англо-русскимъ соглашеніемъ?—Та ошибка, устраненіе которой одно только и могло придать смыслъ и жизненность этому соглашенію? Нисколько. Мы теперь официально признали Авганистанъ внѣ сферы нашего вліянія и торжественно заявили, что будемъ съ нимъ переговариваться черезъ британское правительство; мы подтверждаемъ теперь официально то, что прежде подтверждалось только нѣкоторыми представителями ми-

нистерства и считалось фактомъ, хотя и обще-извѣстнымъ, но не фактомъ государственной очевидности.

Теперь мы передъ всѣмъ міромъ заявили, что отъ Авганистана отказываемся. Мыѣ могутъ возразить: „а тѣ торговыя привилегіи, которыя мы получили, а возможность имѣть агентствъ у границы — развѣ это не плюсъ?“ Я думаю, что и это не плюсъ. Во первыхъ, когда все это сбудется, много воды изъ Аму-Дарьи протечетъ въ Аральское море, ибо все это трактуется въ статьяхъ, какъ *ничто будущее*. Это первая сторона. Вторая сторона сводится къ лукавой оговоркѣ, что статьи соглашения войдутъ въ силу послѣ получения на нихъ согласія эмира авганскаго. Человѣку, знающему средне-азиатскую обстановку, придется надъ этой оговоркой засмѣяться, но засмѣяться, но иначе, какъ съ горечью и досадой. Все наиболѣе интересное въ авганской части соглашения, подававшее нѣкоторыя для насъ надежды, сводится къ волѣ эмира, а что онъ сдѣлаетъ? Только то, что прикажутъ англичане. Значить, исполненіе всѣхъ этихъ статей, наиболѣе утѣшительныхъ, *возложено на неопредѣленное будущее* и сверхъ того еще поставлено въ зависимость отъ воли англичанъ. Можемъ-ли мы достигнуть при такихъ условіяхъ чего нибудь? Положа руку на сердце, я думаю, что ничего.

Я могъ бы это разсужденіе относительно мнимыхъ для насъ выгодъ распространить и на Тибетъ, но не буду утруждать ваше вниманіе. Но остановивъ его въ настоящій моментъ на отрицательныхъ сторонахъ соглашения, я долженъ отмѣтить еще одну сторону, которая такъ обрадовала англійскую и русскую печать, но которая мыѣ не рисуется утѣшительной. Эта сторона характеризуется надеждой очень многихъ, что послѣ англо-русскаго соглашения въ Средней Азій настанетъ миръ и покой. Я имѣю право опасаться, что эти оживленія не сбудутся, или что они, во всякомъ случаѣ, слишкомъ оптимистичны. Въѣ по существу англо-русское соглашеніе подчеркиваетъ официально только то, что уже давно на практикѣ нами признавалось въ Средней Азій. Никогда мы не нарушали неприкосновенности Авганистана, никогда не переходили заповѣдную для насъ пограничную линію и даже не старались переходить ее, никогда не вступали въ Тибетъ въ политическія интриги, хитроумные переговоры и т. д... мы можемъ утверждать это совершенно спокойно. Въ полемической литературѣ англичанъ говорилось обо всемъ этомъ иначе, да только вѣрили-ли этимъ выдумкамъ хотя бы сами авторы всѣхъ подобныхъ замысловатыхъ твореній? Всѣ въ Средней Азій знали, что „нѣчто“ не принято здѣсь дѣлать и не дѣлали, а теперь мы только официально это установили. Почему же въ этомъ усмотрѣли источникъ дальнѣйшаго миролюбія и взаимной искренности?

Но чтобы доказать мое право на подобный пессимистическій взглядъ, я коснусь двухъ недавнихъ фактовъ. Первый фактъ состоитъ въ томъ, что въ Персію во время послѣднихъ бурныхъ годовъ двѣ союзницы, Россія и Англія, дѣйствовали за-одно. Если случалась какая-нибудь неприятность или недоразумѣніе, то послы, сговорившись между собой, дѣлали извѣстное представленіе персидскому шаху; на каждый шагъ персидскаго правительства или на каждое крупное движеніе въ странѣ послы старались отзываться послѣ обоюднаго соглашения. Теперь

взвѣсьте, каковы получались для странъ результаты. Англія передъ всѣмъ свѣтомъ фигурируетъ, какъ защитница или поборница освободительнаго движенія въ Персіи, по адресу Англіи со всѣхъ сторонъ несутся похвалы, что вотъ молъ эта страна является горячимъ борцомъ за прогрессивное движеніе въ Персіи, старается поддерживать представителей этого движенія и т. д. Россія же, которая на каждомъ шагу дѣйствуетъ съ Англіей *за одно*, выставляется всюду, какъ поборница реакціоннаго движенія въ Персіи, на нее со всѣхъ сторонъ слышатся разные наветы, несутся по ея адресу клеветы и т. д. Не буду входить въ предположенія о томъ, какъ ведутъ себя на самомъ дѣлѣ Англія и Россія, ограничусь только внѣшними фактами. Дѣйствуя вмѣстѣ и заодно, одна изъ странъ получаетъ репутацію для нея выгодную, выигрышную на международной обстановкѣ, а другая клеймится названіемъ носительницы ретроградныхъ идей. Въ чемъ же надо искать источникъ такой странности? Надо искать его въ томъ, что союзницы, дѣйствуя въ Персіи со внѣшней стороны единодушно, въ дѣйствительности дѣйствуютъ врозь. Если бы онѣ на самомъ дѣлѣ работали „душевно“ за одно, то никакихъ противоположныхъ репутацій не создавалось бы, и оба государства фигурировали бы въ качествѣ или поборницъ освободительнаго движенія, или обѣ въ качествѣ поборницъ реакціоннаго движенія. Во всякомъ случаѣ разной оцѣнки, какъ теперь, не было-бы.

А между тѣмъ такая недружная и лукавая работа совершается послѣ англо-русскаго соглашенія и притомъ *союзниками*, какъ Россія и Англія себя афишируютъ передъ всѣмъ міромъ.

Приведу другой примѣръ: какъ только закончилось англо-русское соглашеніе, сейчасъ же стали говорить о постройкѣ среднеазіатской дороги, долженствующей Индію соединить съ Россіей. Логика была правильная: разъ соглашеніе создаетъ мирную обстановку въ Средней Азіи, главная и единственная причина къ проведенію дороги тѣмъ самымъ устраняется. Раздались фразы о великихъ горизонтахъ, открываемыхъ будущей дорогой, о пробужденіи Афганистана, о томъ, что трехсотмилліонный уголь земного шара соединится наконецъ, съ четырехсотмилліонной Европой и т. д. Но когда отъ этихъ фразъ попробовали перейти къ дѣлу, то настроеніе общественнаго мнѣнія Англіи изъ прежняго веселаго и доверчиваго тона перешло на сдержанный и замкнутый, скоро фразы стихли, ихъ смѣнило потомъ выжидательное настроеніе, и слухи о желѣзной дорогѣ стали мало по малу блѣднѣть и сводиться на нѣтъ. Вотъ вамъ два образчика. Какое же тутъ миролюбіе? Пока дѣло идетъ о фразахъ, люди миролюбивы, но когда дѣло переходитъ къ фактамъ, они начинаютъ по старому ежиться и смотрѣть недругами.

Этихъ двухъ фактовъ—а я число ихъ могъ-бы не мало увеличить—мнѣ кажется, вполне достаточно, чтобы умѣрить тотъ оптимистическій тонъ, который охватываетъ нынѣ общественное мнѣніе Россіи и Англіи.

в) Положительныя стороны соглашенія.

Но я не хотѣлъ бы прослыть за непримиримаго врага англо-русскаго соглашенія, что можетъ случиться, если я не остановлюсь хотя бы въ двухъ словахъ на подчеркиваніи тѣхъ положительныхъ сторонъ, которыя, по моему мнѣнію, въ немъ заключаются. Прежде всего, какъ ни какъ, англо-русское соглашеніе 1907 г. является *первой попыткой установить какую нибудь мирную отправную точку въ отношеніяхъ двухъ колоссальныхъ соперницъ на средне-азиатской аренѣ*. Пусть эта проба будетъ неудачна, пусть это будетъ лишь попытка, но вѣдь попытка, какъ говорится, не пытка. Не заладится она, и придется ее бросить, черезъ нѣсколько времени можно обратиться къ новой, которая послѣ перваго опыта можетъ быть налажена уже болѣе удовлетворительно, которая глубже войдетъ въ детали,—и въ результатѣ создастся, можетъ быть, новая проба, имѣющая уже реальный характеръ. Въ этомъ, сказалъ бы я, содержится несомнѣнный нравственный смыслъ англо-русскаго соглашенія. Пора бы Англіи и Россіи перестать давать поводы къ созданію въ Средней Азіи разныхъ уподобленій, въ родѣ тѣхъ, которыя нашу родину сравниваютъ съ медвѣдемъ, а Англію съ какимъ-либо другимъ животнымъ, и объ этихъ животныхъ говорятъ, что они изъ вѣка въ вѣкъ скалятъ другъ на друга зубы. Для культурныхъ и могущественныхъ странъ такое сравненіе глубоко обидно. Отъ кого оно исходитъ? Оно исходитъ изъ устъ полуликаря, который не можетъ обнять всѣ стороны обстановки, но который видитъ внѣшнюю обстановку и характеризуетъ ее такимъ невзрачнымъ, но увы, довольно мѣткимъ образомъ.

Второй положительной стороной соглашенія можно признать его *примѣненіе на очень большой территоріи*; это даетъ надежду думать, что соглашеніе захватываетъ вопросъ, хотя бы въ пространственномъ смыслѣ, широко и надежно. Это есть проба, распространенная на широкую зону. Въ этомъ широкомъ распространеніи соглашенія коренится одна изъ надежнѣйшихъ сторонъ его дальнѣйшаго успѣха.

Что касается еще одной положительной стороны, я позволю ее характеризовать мудрой пословицей нашего великаго народа, который по поводу всякой попытки найти миролюбивый исходъ и зажить добрососѣдской жизнью говорить съ присущимъ ему доброжелательствомъ, что *„худой миръ—лучше доброй ссоры“*.